

Д-р Дэвид де Сильва , Культурный мир Нового Завета, Сессия 1, Введение: Честь и СТЫД

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении о культурном мире Нового Завета. Это занятие 1, «Введение: честь и стыд».

Здравствуйтесь, меня зовут Дэвид де Сильва . Я профессор Нового Завета и греческого языка в Эшлендской теологической семинарии в Эшленде, штат Огайо, где я преподаю с 1995 года. Церковь. Я заинтересовался культурной средой Нового Завета давно, когда работал над своей докторской диссертацией, которая, казалось, действительно имела большое значение с точки зрения чтения конкретного текста Нового Завета.

В моем случае это было письмо к евреям. Для нас важно внимательно и критически относиться к культуре как к основному контексту или среде при чтении любого рода текстов. Для нас особенно важно читать Священные Писания, потому что культурные ценности и социальные практики, с которыми мы знакомимся и которые становятся неотъемлемой частью нашего образа мышления благодаря воспитанию в 21 веке, особенно в Северной Америке и Западной Европе, сильно отличаются от тех культурных ценностей, представлений и способов ведения дел, которые испытывали люди, жившие в восточном Средиземноморье в первом веке нашей эры. Например, мы редко думаем о чести и стыде.

По крайней мере, я редко думаю о том, что эти вещи происходят во Флориде 21-го века, как я. Я думаю гораздо больше, или я вижу, что люди гораздо больше думают о правах личности, о законности, о вопросах того, что осуществимо, а что нет, в отличие от вопросов о том, что воплощает ценности группы и будут ли эти ценности реализованы. отражаться в нашей практике или нет. Итак, какова будет реакция наших сверстников? Будет ли это ценить нас или чтить нас, или это приведет к потере лица или ценности? Наши способы ведения бизнеса и получения доступа к товарам в первую очередь коммерческие, а не реляционные.

Когда мне что-то нужно, я получаю это, предлагая что-то и обменивая это прямо на месте на что-то другое, обычно наличные или в кредит на соответствующий товар. Это не реляционный подход к доступу к товарам или возможностям, тогда как Средиземноморье первого века было скорее вторым. Я думаю о семье совсем не так, как думал о семье житель Малой Азии, Иудеи или Египта первого века.

По сравнению с этим наши представления о семье в Соединенных Штатах весьма ограничены. У нас есть нуклеарные семьи, и если говорить о расширенной семье, то она все еще весьма урезана по сравнению с тем, как древние люди представляли себе семью. И, конечно же, такие ценности, как чистота и загрязнение окружающей среды, имеют для нас в западном мире 21-го века совершенно иной резонанс, чем для Иисуса, путешествующего по Галилее или Иудее первого века.

Для нас загрязнение — это в основном проблема окружающей среды, или, если мы думаем о загрязнении или очищении, оно часто переносится в своего рода сферу гигиены или микробов, а не в сферу религии и относится к Богу и способности человека приходить перед присутствием Бога. Культурные ценности и социальные практики сильно изменились за 20 веков и континентов, но культурные ценности и социальные практики имеют свою собственную логику. У них есть свои собственные предпосылки, и нам нужно проявлять большую осторожность при интерпретации древних текстов, чтобы не навязывать этим текстам нашу культурную логику или наши культурные предпосылки.

Эти тексты написаны из совершенно для нас чужой культуры, с чужой культурной логикой и чужими социальными предпосылками. Если мы не осознаем и не познаем эту разницу, мы неизбежно будем неправильно читать эти тексты. Я считаю, что это представляет собой большую опасность, когда эти тексты имеют авторитет священного писания, потому что мы рискуем прочесть в тексте предпосылки нашей культуры и услышать их в ответ из текста, теперь наделенного божественным авторитетом, тогда как во многих случаях эти тексты бросит вызов нашим культурным предпосылкам и в некотором смысле призовет нас начать жить в этом отношении совершенно контркультурно.

Я думаю, что пример, который имеет большое значение для христианского богословия и ученичества, — это просто концепция бесплатного дара благодати. Наше культурное положение заставляет нас читать эту фразу как означающую, что получатель такой услуги не несет никаких обязательств. Мы слышим о безвозмездном даре благодати и интерпретируем это как означающее, что он должен быть бесплатным, потому что он нам ничего не стоит.

Павел никогда бы не подумал такими словами, когда писал о бесплатном даре Божьей благодати, но мы предполагаем, что именно это он имеет в виду, и поэтому мы страдаем от огромного разрыва между пониманием Божьего дара благодати и нашим ученичеством, нашим ответом Богу. Мы склонны не слышать Павла, когда он говорит, что Иисус умер ради всех, чтобы живые жили не для себя, а для того, кто умер за них и воскрес. Для Павла дар благодати говорит о том, что даяние было бесплатным.

Дарение не могло быть принуждено каким-либо нашим собственным действием. Как он пишет в 11-й главе Послания к Римлянам, кто когда-либо давал Богу, чтобы Бог отплатил им? Давание происходит бесплатно и без принуждения, но получение создает отношения обязательства перед Богом. Тот факт, что нам может быть неудобно говорить об этом, показывает, насколько мы далеки от собственных культурных ценностей и социальных практик Павла и сколько работы нам нужно проделать, если мы действительно хотим его услышать.

Следовательно, я считаю, что для нас, иностранцев, читающих Новый Завет, очень важно погрузиться в культурные ценности и социальную матрицу Средиземноморья первого века, чтобы мы могли понять, что будет мотивировать этих древних слушателей в тексте. и почему, и чтобы мы могли лучше понять аргументационные связи, которые, как предполагает автор, будут предлагать его слушатели, вместо того, чтобы предполагать и предлагать наши собственные, которые имеют тенденцию, как в только что показанном примере, которая может быть совершенно чуждой логике, которую предполагает древний автор. Изучение культурной матрицы Нового Завета также помогает нам более четко различить проблемы, с которыми сталкиваются древние слушатели в их контексте, а также проблемы, которые авторы Нового Завета ставят перед своей аудиторией, чтобы сформировать из них новую самобытную культуру. вид сообщества. Наконец, внимание к этим культурным ценностям и практикам помогает нам более ясно подумать о том, как применить вызовы авторов Нового Завета к себе и нашим церквям в новой культуре.

В этой вступительной лекции я хочу сосредоточиться на культурных ценностях чести и стыда в древнем мире, особенно на средиземноморской среде писаний Нового Завета в первом веке. Честь – главная ценность среди жителей Средиземноморья. Трудно и, возможно, в некотором смысле неразумно делать широкие обобщения, но это конкретное обобщение, которое средиземноморцы в первом веке были склонны ценить и думать о чести, кажется вполне оправданным на основе широко распространенных свидетельств, указывающих в этом направлении, по крайней мере от Италии по всему Восточному Средиземноморью до Северной Африки.

Например, мы читаем в трактате «О выгодах» Сенеки, римского философа и государственного деятеля первого века, элитного автора, который оказался наставником Нерона, когда Нерон достиг совершеннолетия. Не судите Сенеку по этому поводу, пожалуйста. Но Сенека пишет, что единственное твердое убеждение, от которого мы переходим к доказательству других положений, состоит в следующем: то, что почетно, ценится только потому, что оно почетно.

Сенека здесь говорит из первого века, чтобы поговорить с нами на метауровне о ценностях своего мира, и он определяет основополагающую ценность как ценность чести. Если что-то благородно, оно автоматически желательно. И наоборот, мы могли бы сделать вывод, что если что-то бесчестно или приведет к позору, то это по своей сути, фундаментально нежелательно для людей, которых знает Сенека.

Он также говорит нам, что соображения чести, как ее получить, как ее сохранить и что может заставить нас ее потерять, соображения чести являются основополагающими для принятия решений. Когда он пишет, что он и его коллеги переходят от рассмотрения того, что является почетным, к доказательству других пунктов, он говорит нам, что суть рассуждений для людей, как он заметил, заключается в том, является ли что-то почетным или позорным. Другие ценности часто рассматриваются как важные соображения наряду с тем, что является почетным, но они, как правило, не преобладают над благородством, если конфликт становится явным.

Например, у нас есть большое количество текстов древнего мира, в которых говорится о том, как убедить людей, как заставить их делать то, что вы от них хотите, или как принять решение, которое вы от них хотите. Это древние или классические руководства по риторике и убедительной речи. В этих справочниках мы читаем о ряде мотивов, которые движут людьми рядом с благородным, о котором всегда упоминается.

Наряду с благородным можно встретить то, что способствует безопасности, то, что способствует безопасности. Например, Риторика объявление Херениум, латинская книга по убеждению, вышедшая примерно в 50 г. до н. э., говорит, что двумя движущими мотивами принятия решений являются честь и безопасность. Но тот же автор говорит, что если между этими двумя ценностями возникает конфликт, честь всегда победит.

Вы никогда не сможете признать, что путь, ведущий к безопасности, бесчестен, и рассчитывать на то, что вы сможете убедить свою аудиторию. Или, если мы вернемся еще дальше к Аристотелю в его книгах по этике, Аристотель снова идентифицирует честь как движущую заботу, но также как удовольствие и преимущество. Но он тоже скажет, что там, где возникает конфликт, на первом месте будет честь.

Если вы хотите привлечь на свою сторону публику, вы никогда не сможете склонить ее на бесчестный путь открыто. Все это говорит о том, что у нас есть множество свидетельств, указывающих на честь и стыд как на фундаментальные, ключевые ценности. И хотя они существуют наряду с другими важными ценностями и соображениями, многие древние авторы называют их основными факторами принятия решений.

Полезным упражнением может стать просмотр книги Притчей или несколько более поздней апокрифической «Мудрости Бен-Сира». Обратите внимание, сколько раз авторы этих книг хвалят поведение или практику, просто говоря, что это благородно или хорошо, как это часто переводится. Но слово, которое переводится, часто, по крайней мере в Бен-Сира, калон , благородный.

Это благородно. И как часто действие не рекомендуется просто потому, что его называют позорным. Делать X стыдно. И очень часто один из этих авторов считает это достаточным аргументом, чтобы отговорить ученика от совершения X. Честь является социальной ценностью.

Другими словами, честь приписывается группой других. У меня может быть самоуважение, но у меня нет чести, пока другие люди не скажут, что у меня есть, и не отразят свою положительную оценку моей ценности как члена их группы. Каждая группа, для которой честь и стыд являются важными ценностями, каждая группа решает, что представляет собой благородное поведение и что делает человека благородным.

И очень часто это те вещи, которые, если человек их делает, способствуют благополучию и выживанию, поддержанию группы. Итак, в культуре чести другие члены моего общества имеют большой социальный контроль над мной, потому что я ищу их одобрения. Я ищу их отражения в том, что то, что я делаю, что я практикую, а также отношения и действия, которые я демонстрирую, ценны в их глазах.

Поэтому я, скорее всего, буду делать то, что нужно группе, чтобы группа процветала и выживала. И я, вероятно, буду иметь самоуважение или самооценку на основе моей собственной оценки того, как я реализую эти ценности. Но честь, опять же, требует соответствующего уважения со стороны других.

Существует также потенциал большого когнитивного диссонанса, когда человек может верить в реализацию этих ценностей, но ему или ее значимым другим отказывают в подтверждении того же. В этом контексте стыд, по сути, имеет два разных значения. Мы можем говорить о стыде с точки зрения бесчестия, позора и опыта группового неодобрения.

Группа посылает сообщение о том, что то, что вы делаете, не имеет ценности. Это вредно для сохранения идентичности этой группы и ее выживания. В совершенно другом смысле стыд имеет более позитивный оттенок, чем скромность или забота об одобрении группы.

Итак, люди в культуре чести часто имеют острое чувство стыда, которое заставляет их стараться избегать стыда в негативном смысле, часто любой ценой. В Средиземноморье первого века мы можем говорить о том, что честь зарабатывалась или пользовалась на основе двух видов качеств или деятельности. Одним из них могут быть компоненты того, что мы могли бы назвать приписываемой честью, также называемой приписываемой честью.

Это более или менее случайности рождения. Я родился в определенной семье, и эта семья имеет определенный статус и определенную коллективную честь. Я наследник этого статуса, этой коллективной чести, поскольку родился в этой семье.

Иногда этнос обладает определенной честью или ее отсутствием. И разные этнические группы, как мы читаем древнюю литературу, разные этнические группы часто конкурируют за свои относительные претензии на честь. Но есть и способы, которыми я могу повысить свою честь.

Поэтому мы могли бы говорить о достигнутой чести. Это касается поступков, которые я совершаю, и того, что я делаю, в той степени, в которой эти дела отражают ценности или добродетели группы, к которой я принадлежу. Честь и бесчестие, стыд также могут проявляться разными способами.

Читая древние тексты, мы должны быть внимательны к тому, что происходит с физическими телами, как они располагаются по отношению друг к другу и как с ними обращаются. Так, например, расположение мест часто отражает решения об относительной чести. Следовательно, приглашение сесть по правую руку от меня обычно является приглашением занять почетное место и, следовательно, иметь преимущество над другими людьми на этом собрании.

То, как обращаются с головой, а также то, как обращаются с физической головой, отражает решения группы о чести. Если эта голова помазана, этот человек наделен честью определенной должности, например, священника или царя. Если голова увенчана венком или коронована, этого человека почитают явно и публично.

Например, победитель спортивных соревнований получит венок. Возложение венка на голову является символическим проявлением оказываемой и проводимой чести. Или, если эту голову бьют, например, во время суда и насмешек над Иисусом, это является приписыванием бесчестия, позора, вызовом чести, частью ритуала деградации статуса, лишаящего всякого чувства чести, которое есть у этого человека. возможно, имел.

Мы также должны быть внимательны к упоминанию имени или репутации в этих текстах. Репутация очевидна; это слава, то есть почет, которым человек

пользуется за пределами своего физического присутствия. Но само имя становится своего рода метонимией, своего рода символом или фигурой чести человека.

Имя оклеветано? Хорошо ли говорят об имени? Это своего рода кодекс того, как честь человека репрезентируется в мире в устной форме. Когда мы молимся, да святится имя Твое, мы, по крайней мере отчасти, молимся о том, чтобы честь Божия все более и более широко признавалась на земле, точно так же, как честь Божья признается в небесных сферах. Пожалуй, стоит сказать несколько слов о чести и поле.

В мире первого века, а это действительно сохраняется во многих средиземноморских культурах и по сей день, а в семитских культурах и культурах Ближнего Востока даже по сей день, честь женщины понимается совершенно иначе, чем честь мужчины. Мужчины, как правило, появляются на публике, часто соревнуясь в уважении друг к другу. Но во многих древних текстах мы читаем, что женская сфера обладания честью действительно находится в помещении.

Это личное пространство дома, а если оно находится за пределами дома, то это общественные места, часто посещаемые женщинами или под присмотром мужчины, мужа, отца или брата, какого-либо представителя семьи, в которой чтят женщину. встроено. Очевидно, мы имеем здесь дело с патриархальными обществами, обществами древнего мира с сильной гендерной предвзятостью, в которых женщина рассматривается не как независимая сущность, а всегда как продолжение семьи какого-то мужчины и, следовательно, чести этого мужчины. И поэтому мы много читаем о скромности как о основе женской чести в этом мире, оберегающей себя от прикосновений, от взглядов, от общения других мужчин.

Любое сексуальное покушение на женщину вне брака, по обоюдному согласию или иным образом, представляет собой, среди прочего, угрозу чести мужчины, в которого она концептуально встроена, будь то ее муж или ее отец. В древней литературе женщин можно превозносить как образец добродетелей, с которыми обычно ассоциируются мужчины. Например, смелость.

Мужество мы могли бы назвать мужественной добродетелью, потому что по-гречески это слово — Андреа. Это вполне уместно можно было бы перевести как мужественность. Многие женщины превозносятся в древней литературе как мужественные, например, героиня Юдифь в одноименной апокрифической книге или мать семи мучеников в «Четвертой Маккавейской», еще одном апокрифическом тексте.

Плутарх, греческий писатель, живший примерно в 100–120 годах нашей эры, написал целый трактат под названием «О мужественности и храбрости женщин», восхваляя исторические женские фигуры за их смелость. Но во всех этих случаях, даже наряду с представлением женщин как более мужественных, чем мужчин, в некоторых случаях также уделяется внимание женской чести в более традиционных смыслах скромности, целомудрия, удаления из публичного пространства, публичного поля зрения и прикосновений. насколько это возможно. Теперь, если человека воспитывают ценить честь и бояться стыда как, возможно, самого фундаментального добра и зла, которое он или она может испытать, тогда группа, частью которой является этот человек, может очень эффективно осуществлять социальный контроль над этим человеком. над всеми этими людьми.

Если я воспитан в поисках одобрения своих сверстников, у этих сверстников есть огромная власть, чтобы добиться моего соответствия. Это существенная черта этики в древнем мире. Благодаря стремлению к чести группы могут поддерживать людей в соответствии с теми ценностями, которые группе нужны люди, чтобы они воплощали ее на благо группы.

Я буду воплощать те практики и ценности, которые ценит и хочет от меня воплотить группа, частью которой я являюсь. Поэтому я готов на протяжении всей своей жизни от начала и до конца служить интересам группы даже больше, чем своим собственным. Это еще одно важное различие между западной культурой XXI века и средиземноморской культурой I века.

Даже находясь здесь, я осознаю, что личный интерес является действительно сильным движущим фактором. Даже в моей жизни, несмотря на работу духа. Но личный интерес, в той мере, в какой мы его поощряем, чтим и живем в соответствии с ним в 21 веке, является продуктом западного индивидуализма.

Вряд ли это возможно в средиземноморском мире I века. Это было бы аномалией в том мире. Это был бы бесстыдный человек, человек, с которым общество просто не знало, что делать, который был бы способен преследовать собственные интересы, а не групповые интересы.

Несколько примеров того, как это работает. В древнем мире, как и сегодня, храбрость — это важнейшая добродетель, отвага, сила духа и готовность терпеть физический вред ради блага своей группы. Я сам никогда не служил в армии.

Те, кто имел, знают, о чем я говорю. Но в древнем мире на военную службу могло быть призвано гораздо больше людей, чем сегодня на Западе. А если вернуться, скажем, в IV век до нашей эры, любого мужчину в Греции можно было бы призвать на военную службу.

И выживание вашего города-государства зависело от вашей готовности пойти туда и получить копье в бедро или, что еще хуже, за свой город-государство. Следовательно, города-государства чтили отважных. И я, афинянин 4-го века до нашей эры, с рождения воспитан в том, чтобы считать мужество великой добродетелью, которую нужно воплощать, более ценной, чем безопасность, комфорт и сама жизнь.

И поэтому, когда я слышу восхваления солдат, особенно павших солдат, когда я слышу похоронные речи, произносимые по поводу их бессмертной славы, я социализируюсь и готов пойти и поступить так же. Итак, город-государство выживает. Итак, мятежная провинция, например, Иудея в 66–70 гг. н.э., способна осуществить кое-что из того, что способно противостоять Риму, но в конечном итоге крайне безуспешно.

Но из-за этого обязательства ставить на благо группы, независимо от того, чего это будет стоить самому себе, в первую очередь нужно мужество. Щедрость была бы еще одной образцовой ценностью. В этом мире, если в вашем городе, в вашей деревне должно было произойти улучшение гражданской ситуации, оно должно было произойти, оно должно было произойти, извините, оно должно было произойти, потому что какой-то богатый человек собирался сделать это возможным.

Этого не произойдет, потому что часть собранных налогов пойдет на улучшение дорог, строительство храмов или строительство новой красивой общественной бани в центре Сепфориса для всех вас. Это было потому, что кто-то был склонен быть таким щедрым. Что заставило бы кого-то расстаться с такой суммой денег ради улучшения города? Надежда на честь и тот факт, что культуры Средиземноморья награждали щедрого человека тем, чего щедрый человек хотел больше всего, тем, чего больше всего хотели все люди, за исключением бесстыдных.

Честь, признание, слава, репутация добродетельного и ценимого человека, во многих случаях выше других людей. Итак, Эраст, который, возможно, даже тот Эраст, которого мы знаем по коринфской церкви, прокладывает тротуар перед коринфским театром за свой счет, когда ему дарована гражданская должность Эделя, потому что он хочет отметить это событие памятным знаком. щедрый поступок, который буквально высечет его славу в камне на протяжении более 2000 лет. Вы все еще можете увидеть это там сегодня.

Таким образом, эта жажда чести становится очень эффективным средством социального контроля и способом заставить нас как индивидуумов пожертвовать собой на благо целого. Итак, все, что я сказал до сих пор, предполагало, что есть одна группа, с которой я имею дело и в глазах которой я

хочу чести. Это почти никогда не происходит ни в одном регионе Средиземноморья первого века.

Существуют сложности, поскольку существуют пересекающиеся группы, каждая из которых может иметь немного или сильно различающиеся ценности и разные определения того, что является честью. Например, поскольку это актуально для изучающих Священные Писания, я хотел бы рассмотреть случай еврея в греческом городе, будь то Александрия или Кесария на берегу моря. То, что почетно для еврея, часто лишает его чести в глазах неевреев.

Например, чтобы быть порядочным евреем, нужно любой ценой избегать идолопоклонства. К храму просто невозможно подойти на расстояние нюха. Избегают всякой связи с осквернением идоложертвенной пищи, мяса жертвенных животных в храмах.

Это просто мерзость, отвратительно, это не часть моей жизни. Что делает еврея почетным, так это быть обрезанным и обрезать своих детей мужского пола, своих рабов мужского пола и тому подобное. Соблюдать субботу, это важное напоминание каждую неделю о необходимости следовать ритмам Бога, единого Бога, который создал все за шесть дней и отдыхал на седьмой.

И соблюдать правила питания, изложенные в Торе, согласно которым, употребляя в пищу говядину, а не свинину, употребляя в пищу тунца, а не угря, мы подражаем собственным движениям Бога, Его собственным действиям по выбору еврейского народа, а не языческого народа. Все это делает человека почетным в глазах его братьев-набожных евреев, соблюдающих Тору. Но как на эти действия отнеслись бы греки в городе? Как набожный еврей, мое избегание всех богов, кроме моего собственного, выглядело бы просто как высокомерный атеизм.

Мое отрицание существования Бога для всех остальных выглядело бы как худший вид нечестия. По иронии судьбы, для нас, современных, в древнем мире евреев часто называют атеистами. Не потому, что у них нет богов, а есть один, но они лишь утверждают существование того одного, а не другого.

Итак, они были по сути атеистами. Они отрезали что от своих детенышей? Обрезание рассматривается как варварское увечье тела, а не как похвальное написание божественного завета на каждом мужском теле. Выделение одного дня в неделю для абсолютного ничегонеделания приносит евреям репутацию ленивцев.

А диетические правила – это, пожалуй, то, что больше всего заставляет неевреев ломать голову. Поскольку свинина — второе белое мясо, она очень вкусная. Природа предоставила его как часть своей щедрости.

Избегать его как чего-то нечистого — это несправедливость по отношению к богам или к природе, которая предоставила его наряду со многими другими замечательными, вкусными и питательными вещами. Итак, я могу иметь честь благочестивого еврея в глазах других благочестивых евреев, соблюдающих Тору, но сама эта деятельность приведет меня в опалу в глазах многих, а может быть и большинства, нееврейского населения города. . Честно говоря, всегда есть язычники, особенно среди философского класса, которые смотрят на иудаизм как на своего рода строгую дисциплину, имеющую свои собственные достоинства.

Но они — ученые древнего мира, и их никто не слушает. По большому счету, быть евреем означает презираться в глазах многих греков и римлян. Если я хочу чести, что я буду делать? Если я принадлежу к еврейскому меньшинству в городе, где преобладают греки, что я буду делать? Многие, ну, я не должен так говорить, потому что я никогда не давал количественной оценки, но мы знаем отдельных евреев, чье стремление к чести увело их от своего образования, от их первоначального образа жизни, к отступничеству в некоторой степени. а в некоторых случаях и в полной степени, чтобы они могли пользоваться уважением в глазах более широкой доминирующей культуры.

Если бы группа меньшинства, такая как еврейский народ, существовала в древнем мире, если группа меньшинства хочет сохранить своих членов, чувствительных к чести членов, ей необходимо разработать определенные стратегии, которые позволят им сосредоточиться на групповой чести как ценной ценности. хорошо, чтобы ее члены были сосредоточены на достижении чести в соответствии с теми практиками и обязательствами, которые будут поддерживать культуру группы и идентичность группы, а не увлекаться культурой какой-то конкурирующей группы из-за возможности получить честь или позор в глазах эта конкурирующая группа. Итак, в последней части этой лекции я хотел бы уделить некоторое время рассмотрению этих стратегий, потому что они являются стратегиями, которые мы обнаружим в Новом Завете, поскольку раннее христианство было преимущественно меньшинством в древнем мире. Если вы думаете, что трудно быть евреем в Эфесе, возможно, в общине из ста тысяч человек, попробуйте стать христианином в Эфесе, возможно, в общине из 50 человек.

Итак, во времена Пола нам действительно приходилось, знаете ли, очень мало, мы просто говорим о десятках людей, даже не о сотнях людей. Итак, мы видим, что авторы Нового Завета особенно внимательны к вопросу о том, как сосредоточить своих новообращенных на том, что группа, христианская группа определяет как благородное, и рассеять призыв чести извне и жало позора со стороны. снаружи. Итак, одна вещь, которую мы видим, в частности, делают группы меньшинств, — это тщательно определяют, что является почетным.

У меня есть пример из мудрости Бен-Сира. Бен-Сира был евреем, преподававшим в школе в Иерусалиме. Он держал дом наставления в Иерусалиме.

Вероятно, он действовал между 200 и 175 годами до нашей эры. И он пишет так: чьи потомки достойны чести? Человеческое потомство. Чье потомство достойно чести? Те, кто боятся Господа.

Чье потомство недостойно чести? Человеческое потомство. Чье потомство недостойно чести? Те, кто нарушает заповеди. Среди членов семьи их руководитель достоин чести, но боящиеся Господа достойны чести в его глазах.

Богатые, выдающиеся и бедные. Слава их — страх Господень. Неправильно презирать того, кто умен, но беден.

И не следует чтить грешника. Чествуются и князь, и правитель, и судья, но никто из них не больше того, кто боится Господа. В этом тексте Бен Сира делает несколько вещей.

Во-первых, он определяет основное определение того, что делает человека честным. Вопрос в том, соблюдает ли этот человек Тору, закон Моисея. Вот что отличает человека от человека, благородного человека от бесчестного.

И он также говорит, что это, в конечном счете, претензия человека на честь превыше любых мирских соображений. Богатые, влиятельные, богатые и высокопоставленные люди пользовались уважением тогда, как и сейчас. Но Бен Сира говорит, что ни одна из этих внешних характеристик не лежит в основе того, что делает человека благородным.

Богатые, выдающиеся и бедные. Их слава и их притязания на честь — это их страх перед Господом. В конечном счете, честь воздается неправильно на основании чего-либо иного, если человек еще и нарушитель заповедей.

Итак, в подобных текстах мы находим представителей все более растущей культуры меньшинства, даже в Иудее во втором веке. Потому что стремление стать подобными нациям, принять греческую культуру, греческие формы и греческие имена и, таким образом, присоединиться к этому большому миру, попасть на карту и иметь потенциал для чести в этом большом мире, набирало силу. . Даже там мы видим, как Бен Сира использует эту стратегию.

Также очень важно определить, чье мнение имеет значение. Антропологи говорили о Суде репутации или Суде мнений. Кто те значимые люди, чье мнение о вас имеет значение? Итак, в чьих глазах имеют значение честь и стыд?

Опять же, обращаясь к Бен-Сире, мы находим, что он определил, что этот Суд репутации сосредоточен вокруг самого Бога.

Итак, пишет он, сказал им: Бог сказал им: берегитесь всякого зла. И дал каждому из них заповеди относительно ближнего. Их пути всегда ему известны.

Они не будут скрыты от его глаз. А чуть позже в той же книге страх человека, совершающего прелюбодеяние, ограничивается человеческими глазами. И он не осознает, что очи Господа в 10 000 раз ярче солнца.

Они наблюдают за каждым аспектом человеческого поведения и заглядывают в скрытые уголки. В обоих этих текстах Бен-Сира напоминает своим ученикам, что Бог видит все. И он — высший суд мнения, перед которым они разыгрывают каждую секунду своей жизни.

Часы, которые они проводят на публике, и часы, которые они проводят в самой секретной внутренней комнате своего дома. И, предупреждает Бен-Сира, Господь раскроет ваши тайны. Он низвергнет тебя среди собрания, потому что ты не приближался с должным уважением к Господу и сердце твое было полно неискренности.

Итак, в конечном счете, честь человека в обществе находится в руках Бога, чтобы сохранить или унижить его, в зависимости от того, стремился ли человек к тому, что является почетным в глазах Бога, в первую очередь и превыше всего. Другое сочинение второго века до нашей эры, известное как Варух, написано как будто из-под пера писца Иеремии, Варуха, и говорит об Израиле, снова уже осознавая, что он является культурой меньшинства в мире, Израиль благословлен, потому что он знает, что угодно Богу. . Он знает, кто в конечном итоге является значимым другом.

В нем есть информация о том, как жить с честью перед этим значимым человеком, чтобы пользоваться своего рода почетом, который будет длиться не только в течение этой жизни, но и навсегда. Еще одна важная особенность разговоров о Суде репутации – это разговор о том, откуда посторонние черпают свое мнение. То есть, если посторонние в моей группе, представители доминирующей греческой или доминирующей римской культуры, если посторонние из моей группы выражают неодобрение моего жизненного выбора и моих практик, откуда это берется? Насколько ценно их мнение? Текст, написанный, вероятно, в Египте в первом веке до нашей эры, возможно, в начале первого века нашей эры, представляет собой «Премудрость Соломона», еще одну книгу, приписываемую ложно.

Оно было написано не Соломоном, сыном Давида, а кем-то, кто унаследовал традицию еврейской мудрости. И он пишет о том, как смотрят на

благочестивого человека могущественные, богатые, нечестивые люди. И он довольно подробно описывает, как нечестивцы считают благочестивого еврея своего рода живым упреком, потому что ценности и обычаи благочестивого еврея настолько различны.

И из-за его свидетельства Богу и одобрения Богом своей жизни, потому что он ходит путем закона Божьего. И вот, автор пишет о том, как нечестивцы испытывают благочестивого еврея оскорблением, поношениями, насилием и, наконец, позорной смертью. И глядя на такого рода сцену, о которой автор, без сомнения, слышал, о происходившей в реальной жизни, возможно, даже и в реальной жизни был свидетелем, пишет о рассуждениях нечестивых и о том, почему все, что они делают, весь позор, который они наносят благочестивый человек бесполезен.

Итак, пишет он, так рассуждали нечестивцы, но они ошиблись. Их злоба полностью ослепила их. Они не знали о тайном плане Бога.

Они не надеялись на награду, которую приносит святость. Они не думали о награде, которую получают, если сохраняют свои души незапятнанными. Далее в этой книге он пишет о большинстве языческих людей: все люди, которые не знают Бога, по природе своей пусты.

Несмотря на все хорошее, что можно было увидеть, они как-то не смогли познать того, кто есть на самом деле. Хотя они были очарованы тем, что он создал, они не смогли узнать создателя всего сущего. Итак, в этих двух текстах мы видим, что автор говорит о том, что окружающие вас люди, которые могут вас презирать из-за вашей приверженности еврейскому образу жизни, делают это потому, что просто не владеют всеми фактами.

У них нет всех фактов о том, кто такой настоящий Бог, в отличие от ложных богов, которым они продолжают поклоняться. У них нет всех фактов о жизни, суде и жизни за ее пределами. И поэтому, будучи такими недалёковидными, они будут принимать плохие решения относительно своей жизни и своей человеческой ценности.

И они сочтут тебя глупым и постыдным, а на самом деле они делают это только потому, что они глупые и постыдные. Им не хватает откровения, которое получили мы. Как говорится в тексте «Премудрости Соломона», они живут плохо.

Они живут позорно. Им мало было заблуждаться в познании Бога, но, хотя и живя в великой борьбе по незнанию, они называют такое великое зло миром. И если бы мы прочитали более крупный абзац, из которого взят этот стих, мы бы увидели, как автор говорит: посмотрите, как живут язычники.

Пьянство, убийства, кражи, противоестественные половые связи. На самом деле, текст очень близок к тому, что мы находим в Римлянам 1:18-32. Посмотрите, как они живут.

А теперь подумай, как могут люди, столь бесстыдные в отношении добродетели и порока, иметь что-нибудь важное сказать о твоей чести или о твоём стыде? Идолопоклонство на самом деле было идолопоклоннической религией, главным камнем преткновения или потенциальным камнем преткновения для евреев, живущих в городах язычников, поскольку евреи составляли меньшинство. И когда они оглянулись вокруг себя, они увидели целую группу других людей, гораздо больше их собственного числа, поклоняющихся этим другим богам с тем же рвением, с той же преданностью, которую они сами чувствовали к Богу Израиля. И поэтому может возникнуть постоянный соблазн задаться вопросом, есть ли у них законная религиозная практика? Должен ли я быть настолько ограниченным, чтобы думать, что мой Бог — единственный? Мой образ жизни, единственный одобренный Богом образ жизни? Итак, такие авторы, как «Премудрость Соломона», желая способствовать сохранению еврейской идентичности в этой диаспоре, в таких нееврейских землях, уделяют внимание объяснению идолопоклонства как феномена.

Так, пишет он, нас не обмануло ошибочное искусство человека, равно как и бесплодный труд умных живописцев, даже когда они создали образ, ослепительный своим сочетанием красок. Однако вид идолов вызывает в глупцах желание. Они начинают тосковать по безжизненному образу мертвой статуи.

Те, кто их делает, те, кто хочет их, и те, кто им поклоняются, — все любители зла. Все они заслуживают того, чтобы их надежды были ошибочно направлены таким образом. И поэтому автор, представляющий культуру еврейского меньшинства, обратится к тому, что ценят неевреи, и к тому типу благочестия, который чтут неевреи, чтобы ослабить его потенциальную привлекательность и объяснить мнение и практику культуры большинства как в конечном итоге девиантная, а не взгляды нашего меньшинства.

Еще одна вещь, которую, как мы видим, эти культурные лидеры меньшинств делают для членов своей группы, — это переосмысление опыта неодобрения со стороны посторонних таким образом, чтобы это способствовало уважению внутри группы меньшинства. Другими словами, они превращают опыт позора со стороны посторонних в знак почета в глазах Бога и в глазах группы. Опять же, придерживаясь Премудрости Соломона, автор пишет, что души умерших праведников были немного дисциплинированы, но они будут вознаграждены обильными благами, потому что Бог испытал их и нашел, что они достойны быть с Ним.

Он испытал их, как золото в печи. Он принял их как всеожжение. Автор пишет о тех благочестивых евреях, которых их соседи-язычники или, возможно, даже их соседи-евреи-отступники высмеивали, презирали, оскорбляли, оскорбляли и в конечном итоге даже убили.

Он пишет об этом опыте, когда эти другие люди лишили их чести, на самом деле как об опыте испытания и доказательства их настоящей чести навечно Богом. Таким образом, негативный опыт стыда со стороны посторонних трансформируется в опыт испытания и предоставления вечной чести внутри группы. Одним из наборов изображений, которые часто используют авторы культурных меньшинств, являются спортивные образы.

Существует естественная корреляция между суровостью и трудностями, которые переносит древний спортсмен, возможно, и современный спортсмен, но, безусловно, древний спортсмен пережил. Тяжесть тренировок, боль тренировок, боль борцовского или боксерского поединка в мире, где еще не было защитных подкладок, шлемов и перчаток и чего еще, вся боль, которую такой человек претерпел ради надежды на честь, ради надежда на победу, параллель между этим и тем, что может испытать член культуры меньшинства, когда его оскорбляют и упрекают представители вне его или ее группы. Итак, мы обнаруживаем, что автор «Четвертой Маккавейской книги» использует спортивные образы, чтобы превратить опыт полной деградации в соревнование за честь.

Этот отрывок, который я собираюсь прочитать, взят из речи матери к своим семи сыновьям перед тем, как их собираются замучить до смерти самыми жестокими и изобретательными способами, возможно, в древней литературе. И она пишет моим сыновьям: вас вызвали на почетное состязание, в котором вы дадите показания, которые докажут ценность вашей нации. Добровольно соревнуйтесь за закон наших предков.

Было бы действительно позором, если бы вы, молодые люди, потеряли самообладание перед лицом этой пытки после того, как старик перенес столько страданий из уважения к Богу. Я должен был упомянуть, что это произошло после того, как старый священник по имени Елеазар был впервые замучен до смерти. Здесь мы находим образ почетного или благородного состязания и идею о том, что столкновение с деградацией на самом деле можно рассматривать как участие в состязании.

И исходом могла бы быть в глазах посторонних полная деградация, но в глазах инсайдеров и в глазах Бога, как утверждали эти инсайдеры, конец был бы славной победой, честь и слава которой будут длиться вечно. Как показывает следующий отрывок, соревнование, в котором они участвовали, было поистине

божественным. Сама добродетель, сама нравственность раздавала в этот день награды, доказав свою ценность своей выносливостью.

Победа принесла бессмертие через бесконечную жизнь. Елеазар, престарелый священник, был первым конкурентом. В соревновании также участвовали мать семерых детей и братья.

Тиран, мучивший их, был противником, а мир и человечество — зрителями. Уважение к Богу одержало победу и короновало своих чемпионов. Кого не удивляли спортсмены, состязавшиеся во имя божественного закона? Кто не был удивлен? Читая также и в Новом Завете, мы обнаружим, что спортивные образы аналогичным образом используются для преобразования неприятия доминирующей культуры и попыток пристыдить новообращенных христиан, заставляя их вернуться к своему старому образу жизни в спортивное соревнование, где победа состоит не в том, чтобы сдаваться, а в том, чтобы не сдаваться. но продержаться до конца и таким образом получить венок, или, в более популярных переводах, получить в конце дня венец.

Все то, о чем мы говорили, говорили о том, или, я бы сказал, о разрядке жала стыда вне группы, все это уравнивается использованием чести и стыда внутри группы, на ее условиях. То есть Бен Сира, автор «Мудрости Соломона», автор «Четвертой Маккавейской книги», все хотели бы, чтобы их еврейская аудитория продолжала активно взаимодействовать друг с другом таким образом, чтобы укреплять ценность соблюдения Торы как способа уважения. Что в своем ежедневном взаимодействии друг с другом они одобряют, аплодируют, хвалят и таким образом укрепляют приверженность друг друга жить еврейским образом жизни.

И наоборот, стыд внутри группы следует использовать, чтобы отговорить людей, которые колеблются в своей приверженности образу жизни, соблюдающему Тору. Одним прекрасным примером этого, о котором я только упомяну, является гимн, восхваляющий предков, своего рода код из шести глав в конце «Мудрости Бен-Сира», в котором Бен-Сира, по сути, проходит через Вся история еврейского народа от Адама до последнего первосвященника Симона II, Симона Справедливого, показывающая, как те, кто жил по Божьему завету, завоевали вечную честь, в то время как те, кто, как нечестивые цари Израиля и Иуды, отступившие от Божьего завета, завоевали себе вечный позор и фактически завоевали для своих народов позор благодаря тому, что были завоеваны другими народами. Последний аспект чести в среде древнего мира, на котором я хочу остановиться, связан с соревнованием за честь и соревнованием за ее вознаграждение в общественной сфере.

Древнее Средиземноморье, как и некоторые районы современного Средиземноморья, описывалось как агонистическая культура, культура

конкуренции, в которой честь рассматривается как ограниченное благо. Их очень много, и чтобы получить больше, нужно немного потерять. Я должен как-нибудь выиграть это за твой счет.

Я просто хочу познакомить нас с этим, рассмотрев отрывок из Евангелия от Луки, возможно, очень знакомую историю об исцелении Иисуса в субботу из Луки 13. Итак, Иисус учил в одну из синагог в субботу, и как раз тогда, появилась женщина с духом, который калечил ее 18 лет. Она согнулась и совершенно не могла стоять прямо.

Когда Иисус увидел ее, он подозвал ее и сказал: женщина, ты освободилась от своего недуга. Когда он возложил на нее руки, она тотчас же выпрямилась и начала славить Бога. Но начальник синагоги, возмущенный тем, что Иисус исцелил в субботу, продолжал говорить толпе, что есть шесть дней, в которые следует делать работу.

Приходите в те дни и исцелитесь, а не в день субботный. Но Господь ответил ему и сказал ему: лицемеры! не отвязывает ли каждый из вас в субботу вола своего или осла от яслей и не уводит ли его напоить? И не должна ли эта женщина, дочь Авраама, которую сатана связывал долгие 18 лет, освободиться от этого рабства в день субботный? Когда он сказал это, все его противники были посрамлены, и вся толпа радовалась всем чудесным делам, которые он делал. Теперь в этом взаимодействии, в этом эпизоде мы обнаруживаем то, что можно было бы назвать несколько типичным сценарием челленджа и репоста, типичного соревнования за честь, типичного, если не считать того, что женщина излечилась от 18-летнего недуга.

Но, видя эту нужду и говоря женщине, говоря, что вы исцелились от недуга в субботу, Иисус неявно претендовал на честь. В этой истории оно не выдвигается на передний план, но мы встречаем его в другой истории исцеления, об исцелении парализованного, описанной во 2-й главе Евангелия от Марка. Чтобы вы знали, что Сын Человеческий также является Господином субботы, говорит он, возьмите вашу кровать и прогулка. Итак, Иисус утверждает, что имеет право исцелять в субботу, и исцелённая женщина сразу же это признает.

Она восхваляет Бога за то, что происходит, что косвенно является заявлением о том, что Бог только что сделал что-то через этого человека, Иисуса, прямо здесь. Что здесь произошло? Затем, конечно, приходит встречный вызов.

Руководитель синагоги вмешивается и пытается косвенно поставить Иисуса на место. Он не разговаривает с Иисусом; не следует исцеляться в субботу, но косвенно, говорит он толпе, не приходите в субботу исцеляться. Сегодня не тот день, чтобы это делать.

Для этого есть еще шесть дней. Конечно, это в большей степени относится к Иисусу. То, что ты только что сделал, было неправильно.

Вы не должны исцелять в субботу. Вы нарушаете закон. Иисус отвечает на этот вызов.

Он делает репост, выражаясь языком фехтования, где кто-то колет другого, парирует и репостит, колет назад и говорит, ты бы тоже нарушил шабаш, просто чтобы помочь животному. Вы заботитесь о своем скоте в субботу. Разве это не гораздо более насущная необходимость, чем забота о человеке? Разве суббота не является идеальным днем для того, чтобы разрушить дела сатаны, связавшего эту женщину? Теперь важно сказать, что приговор по этому разговору исходит не от Иисуса и не от руководителя синагоги.

Они оба запустили залпы друг в друга. Решение принимается наблюдателями. Именно они решают, кто выиграет честь, а кто потеряет честь в этом обмене.

Лука очень внимательно относится к этому как к их роли, ибо в заключительном предложении он пишет, что его противники были посрамлены. Вся толпа радовалась тому, что делал Иисус. Итак, в этом диалоге именно Иисус вышел вперед в игре чести, как бы бросив вызов, но успешно защитив свой авторитет в глазах общественного мнения.

В нашей следующей лекции мы более внимательно рассмотрим один текст Нового Завета. Нашей целью будет показать, как темы, о которых мы говорили в этой лекции, относящиеся к культуре чести и динамике чести-стыда в Средиземноморье первого века, помогают нам войти в пастырскую ситуацию и стратегически ответить на нее. ситуация конкретного текста Нового Завета, а именно 1 Петра.

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении о культурном мире Нового Завета.

Это занятие 1, «Введение: честь и стыд».